

Мао Сяочуань весь вечер ходил сам не свой. Блуждал по коридору общежития с пластиковой корзинкой в руках, словно потерянная душа. Швейцарские мужские часы по-прежнему лежали на самом дне, прикрытые банными принадлежностями. Юань Синь к ним даже не прикоснулся. И что это, чёрт возьми, значит?

«Не хочет забирать? Или решил сдать меня с потрохами?»

В голове царил полнейший сумбур, но какое-то седьмое чувство подсказывало Сяочуаню: Юань Синь ябедничать не пойдёт. Захоти тот его выдать, не стал бы устраивать весь этот цирк в душевой. И всё же уверенности не было. В конце концов, они ведь даже толком не знакомы. За два с лишним года в одном классе сегодня они заговорили впервые. Юань Синь был для него загадкой, чужаком, который абсолютно ничем ему не обязан и уж точно не должен хранить чужие грязные секреты.

Зачем тогда устраивать эти игры?

Коридорный сквозняк неприятно лизнул мокрую шею. Озноб мигом выдул из головы остатки хмельного оцепенения. Сяочуань передёрнул плечами и прибавил шаг.

В комнате вовсю кипела жизнь — соседи уже вернулись. Кто-то, развалившись на кровати, с хрустом уплетал чипсы; кто-то задрал ноги, беззастенчиво демонстрируя миру свои пахучие носки; а староста Ли Сяовэй, сверкая голой задницей, с хохотом разыскивал чистые трусы. Повсюду стоял невообразимый гвалт.

— О, Сяочуань! — окликнул его Ли Сяовэй, староста и по совместительству председатель студсовета. Заметив свежeweымытого, благоухающего мылом парня, он приветливо улыбнулся. — Ты как? Вечером совсем бледный был из-за живота. Если до сих пор прихватывает, дуй в медпункт, не тани.

— Да нет, всё нормально... Прошло уже, — пробормотал Сяочуань.

Он торопливо сгрузил банную корзину на тумбочку и полез по лестнице на свой верхний ярус.

— Ну и ладно, — пожал плечами староста. Видя, как шустро друг взбирается наверх, он успокоился и продолжил копаться в вещах. — Мать твою, это что, моя рубашка? Какого хрена она такого огромного размера? Эй, Толстяк, твоя, что ли?

Сидевший на соседней койке Лю Да по прозвищу Толстяк нехотя оторвался от пакета с сухариками и хмыкнул:

— С какого перепугу? Я вообще-то парень хрупкого телосложения, у меня кость узкая!

Ли Сяовэй выразительно оглядел его внушительную тушу, больше похожую на пивной бочонок,

и со вздохом покачал головой.

Переодевшись в пижаму, Мао Сяочуань залез под одеяло и зажмурился. Шумные препирательства соседей по комнате жутко раздражали, царапая натянутые до предела нервы.

«Мать твою, ну и вляпался же я... Какая же хренотень...»

Надрывный, заунывный звонок возвестил о начале отбоя. Толстяк, чья койка стояла прямо у входа, лихо щёлкнул выключателем, погружая комнату во тьму. Затем он совершил немыслимый для своего веса пируэт, умудрившись на лету сгрести со стола недоеденные чипсы, и рыбкой нырнул под одеяло. Спустя секунду оттуда донеслось характерное шуршание фольги.

— Фу-у-х... — Сяочуань сбросил одеяло и шумно выдохнул, пытаясь избавиться от давящего чувства в груди.

Он сел на постели, невидящим взором уставившись на тусклый свет уличного фонаря за окном. В темноте перед его мысленным взором внезапно возникли те самые глубокие, пугающе пронизательные глаза Юань Синя.

Сердце испуганно пропустило удар. Сяочуань поспешно залез обратно под одеяло и натянул его до самого носа. Ему казалось, что Юань Синь видит его насквозь. Они ведь были птицами совершенно разного полёта. Сам Сяочуань никогда не хватал звёзд с неба, не лез из кожи вон ради оценок и уж тем более не собирался ни перед кем лебезить. Ему было глубоко плевать на деление людей на отличников и двоечников.

Но Юань Синь... Высокомерный, вечно холодный и неприступный. В их классе он едва ли помнил по именам человек десять, не больше. И Сяочуань уж точно не питал иллюзий на свой счёт: в нём не было ничего выдающегося, способного привлечь внимание главного школьного гения.

Мао Сяочуань уткнулся лицом в подушку и глухо застонал. Отчаяние холодной змеёй заползало в душу. Если кто-то третий узнает о его воровстве...

«Мне конец. Настоящий, бесповоротный конец. Я вылечу из школы, опозорю семью, разрушу собственную жизнь...»

Он до дрожи в коленях боялся такого исхода.

— Сяочуань, — Ли Сяовэй приподнялся на локте и негромко постучал снизу по деревянной перекладине кровати. — У тебя опять живот прихватило? Чего ты там ворочаешься, как уж на сковородке?

— Всё нормально... — буркнул Сяочуань из-под одеяла и затих, давая понять, что разговор окончен.

Как только шаги дежурного воспитателя стихли в дальнем конце коридора, в комнате по традиции открылся ночной дискуссионный клуб. Запевалой, как обычно, выступил Толстяк. Лю Да обладал зычным голосом и феноменальной способностью выуживать самые пикантные слухи со всей школы. В их общежитии он давно заслужил звание ходячего сарафанного радио.

— Кхе-кхе... — Толстяк смачно прожевал очередную горсть чипсов, сделал глоток воды прямо из горлышка пластиковой бутылки и торжественно прочистил горло. — Так, салаги, кончай притворяться спящими красавицами. Подъём, тереть перетирать будем!

— Да какое там «будем», — без злобы усмехнулся староста. — Опять у тебя одного рот закрываться не будет.

— Слышь, Панда, выкладывай, чего разузнал! Не томи! — загалдели с соседних кроватей.

Довольный вниманием Толстяк взгромоздился на постели во весь свой немалый рост, демонстративно потряс складками на животе и, картинно погрозив темноте пухлым пальцем, выдал:

— По самым свежим и абсолютно достоверным агентурным данным... наш многоуважаемый господин староста попал на мушку! Цзя Цзе из параллельного по тебе сохнет, бро!

В тесной комнатке на секунду воцарилась гробовая тишина, а затем темноту разорвал дружный шквал приглушённого гогота.

Ли Сяовэй в недоумении откинул одеяло:

— Да ладно! Цзя Цзе? Королева школы, тоже мне. Она же сама этот титул себе и придумала!

— Ой, да какая разница, кто придумал! — отмахнулся Толстяк, сладострастно прикрыв глаза.
— Девчонка-то видная. Фигурка — упадёшь, всё при ней: и грудь, и попа. Ну так что, староста? Организовать вам свиданку? Век благодарен будешь!

Он настолько увлёкся сватовством, что даже не заметил, как парень со второго яруса беспардонно стащил у него из-под носа пачку чипсов.

— Избавь меня от этой чести, — лениво зевнул Ли Сяовэй и зарылся обратно под одеяло. — Себе её оставь, целее буду.

— Тьфу на тебя, чистоплюй... — обиженно буркнул Толстяк. — Если тебе такие формы не

нравятся, то кто тогда нужен? Плоские, как гладильная доска?

Староста лишь тихо рассмеялся в подушку. Из темноты донёсся чей-то любопытный голос:

— Слышь, командир, а тебе вообще какие девчонки нравятся? Намекни хоть! Наша или из параллельного? Мы должны знать, кому дорогу не переходить!

— Точно-точно! Колись! — поддержали остальные.

Этот вопрос действительно давно занимал умы местных обитателей. Ли Сяовэй был парнем хоть куда: учился отлично, внешностью бог не обидел, высокий, покладистый, без лишних понтов — настоящий «хороший парень» из соседнего двора. Любая девчонка от такого за версту бы расплылась в счастливой улыбке. Кому же достанется этот завидный жених?

Ли Сяовэй отмалчивался, лишь загадочно улыбаясь в темноте. Зато он не упустил возможности пнуть снизу матрас Мао Сяочуаня.

— Эй, Кудряшка! Ты чего затих? Обычно тебя заткнуть невозможно, когда такие темы трут, а тут молчишь как партизан.

— А может, нашего Сяочуаня уже окрутила какая-нибудь краля? — заржал Толстяк.

Он размашисто потопал к двухъярусной кровати, приподнялся на цыпочки и бесцеремонно потянул одеяло Сяочуаня на себя. Но парень лишь сильнее вжался в постель, пытаясь соорудить подобие защитного кокона.

— Опа, да ладно! Неужто и правда влюбился? — Толстяк вошёл во вкус. — Колись давай, что за зазноба? Хоть покажи брату по оружию!

Мао Сяочуань исходил злостью, но сорваться на крик не решался. А Толстяк, гад такой, лапищи имел сильные — рванул одеяло ещё раз и фактически выудил Сяочуаня из его убежища.

— Да отвали ты от меня! — недовольно огрызнулся Сяочуань.

Оценив внушительные габариты обидчика, он не решился на открытый бунт. Лишь затравленно зыркнул на обступивших его возбуждённых парней, шумно сглотнул и попытался вжаться в угол кровати.

— Рассказывай давай! — хором потребовала банда.

— Нет никакой девчонки! Отвяжитесь! — пропищал он едва слышно.

«Эх, если бы дело было в девчонке... Какое мне сейчас дело до этих сопливых бредней? Тут вопрос жизни и смерти решается, а они... Стадо похотливых баранов!»

Толстяк шутливо шлёпнул его по затылку и принялся безжалостно взбивать его и без того взъерошенные кудряшки.

— Руки убрал! Чего дерёшься?! — взвился Сяочуань, прижимая ладони к макушке и злобно глядя на Лю Да.

Толстяк довольно оскалился:

— Ой, какие мы нежные! Подумаешь, погладили! Лицо такое, будто тебя прямо сейчас резать будут. Точно говорю: втрескался пацан! Если я не прав, клянусь своими трусами — прямо сейчас сниму штаны и станцую голышом!

Сяочуань буркнул, обиженно потирая голову:

— Сдались кому твои жиры... На такое зрелище даже слепой смотреть не захочет.

С нижнего яруса донёсся придушенный смешок Ли Сяовэя. Остальные парни тоже покатались со смеху.

— Ах ты мелкий паршивец! — взвился Толстяк.

Наступив прямо на подушку Сяовэя, он резво полез вверх и железной хваткой вцепился в худое плечо Сяочуаня.

— Как с родителем разговариваешь? Страх потерял? А ну слезай живо, я из тебя сейчас всю дурь-то выбью!

— Пусти! — Мао Сяочуань отчаянно брыкался и вжимался в стену. — Рукав оторвёшь, придурок! Пусти, холодно!

Но Толстяк мёртвой хваткой вцепился в пижамную куртку. Ткань с треском поползла в сторону, оголяя белое худощавое плечо. От резкого притока прохладного воздуха Сяочуань передёрнулся, покрывшись гусиной кожей.

— А ну проси пощады! Скажи: «Брат Лю, бес попутал, прости дурака!» — победно ухмыльнулся Толстяк и бесцеремонно хлопнул парня по шее, пытаясь защекотать.

— Не трогай меня! Убери лапы! — истошно взвизгнул Сяочуань.

Прикосновение Толстяка мгновенно воскресило в памяти недавний кошмар в душевой. Голос сорвался на визг. С силой, которой от него никто не ожидал, Сяочуань наотмашь хлестнул Толстяка по руке. Хлесткий хлопок эхом разнёсся по затихшей комнате.

Лю Да опешил. Они всегда так дурачились, и Сяочуань никогда не лез в бутылку. Но этот яростный крик и болезненный удар по руке задели Толстяка за живое. Обида мгновенно переросла в злость:

— Ты чего взвился? Псих ненормальный! Я тебя пальцем едва коснулся, а ты дерёшься! Больной ублюдок...

Атмосфера в комнате мгновенно накалилась до предела. Поняв, что шутки кончились, Ли Сяовэй быстро соскочил со своей койки и мёртвой хваткой вцепился в волосатую ногу Толстяка, стаскивая его вниз.

— Хорош орать! — прикрикнул староста. — Разошлись оба. Из-за какой-то херни сцепились. Всё, отбой, живо по кроватям!

Сяочуань обиженно надулся, злобно зыркнул на Толстяка, бросил виноватый взгляд на Ли Сяовэя и с головой зарылся под одеяло.

Толстяк хотел было вставить свои пять копеек, но передумал. Лишь сердито сопел, сползая с чужой постели, и босиком прошлёпал к себе. Остальные парни, видя, что пахнет жареным, благоразумно попрятались под одеяла. Комната погрузилась в напряжённое молчание.

Вскоре в темноте раздавалось лишь ровное сопение.

Мао Сяочуань осторожно высунул нос из-под одеяла, жадно вдыхая свежий воздух. Но стоило ему открыть глаза, как он едва не вскрикнул: прямо над ним, не мигая, светились в полумраке чьи-то чёрные, блестящие глаза.

От неожиданности у него перехватило дыхание. Он уже открыл рот для крика, но чья-то ладонь мгновенно зажала ему губы.

— Тс-с! Не ори!

Шёпот принадлежал старосте. Сяочуань облегчённо выдохнул — бешено заколотившееся сердце постепенно возвращалось к нормальному ритму.

— Ты с ума сошёл? — зло прошептал Сяочуань, сердито сбрасывая руку старосты со своего

лица. — Чего пугаешь?

Ли Сяовэй опустил руку и осторожно оглянулся на спящих соседей. Затем бесшумно, как кошка, подтянулся на металлической раме и перемахнул на второй ярус. Не спрашивая разрешения, он бесцеремонно залез под одеяло к Сяочуаню.

— Давай выкладывай, что стряслось, — так же шёпотом потребовал староста. — Ты сам не свой весь вечер. Тебя кто-то обидел?

От этого простого вопроса у Сяочуаня предательски зашипало в носу, а глаза застлала влажная пелена. Ему безумно хотелось выговориться, пожаловаться на судьбу, но... как признаться? Рассказать, что он вор? Что его поймали с поличным, и теперь его будущее висит на волоске? Нет, о таком лучше молчать до гробовой доски.

Сяочуань сердито фыркнул и изо всех сил толкнул старосту в бок, отбирая одеяло и закручиваясь в него плотным коконом. Ли Сяовэй остался лежать на голом матрасе.

— Отвяжись, а? Всё нормально. Спать хочу, проваливай к себе.

Ли Сяовэй открыл было рот, чтобы возразить — ведь странности за другом он замечал уже не первый день, а сегодня тот и вовсе вел себя как безумный. Староста искренне хотел помочь, но Сяочуань выстроил глухую стену. В конце концов, их дружба ещё не была настолько крепкой, чтобы выворачивать душу наизнанку.

Ли Сяовэй вздохнул, с досадой взъерошил кудрявую макушку Сяочуаня и нехотя сполз обратно на свой первый ярус.

<http://bllate.org/book/18295/1758156>